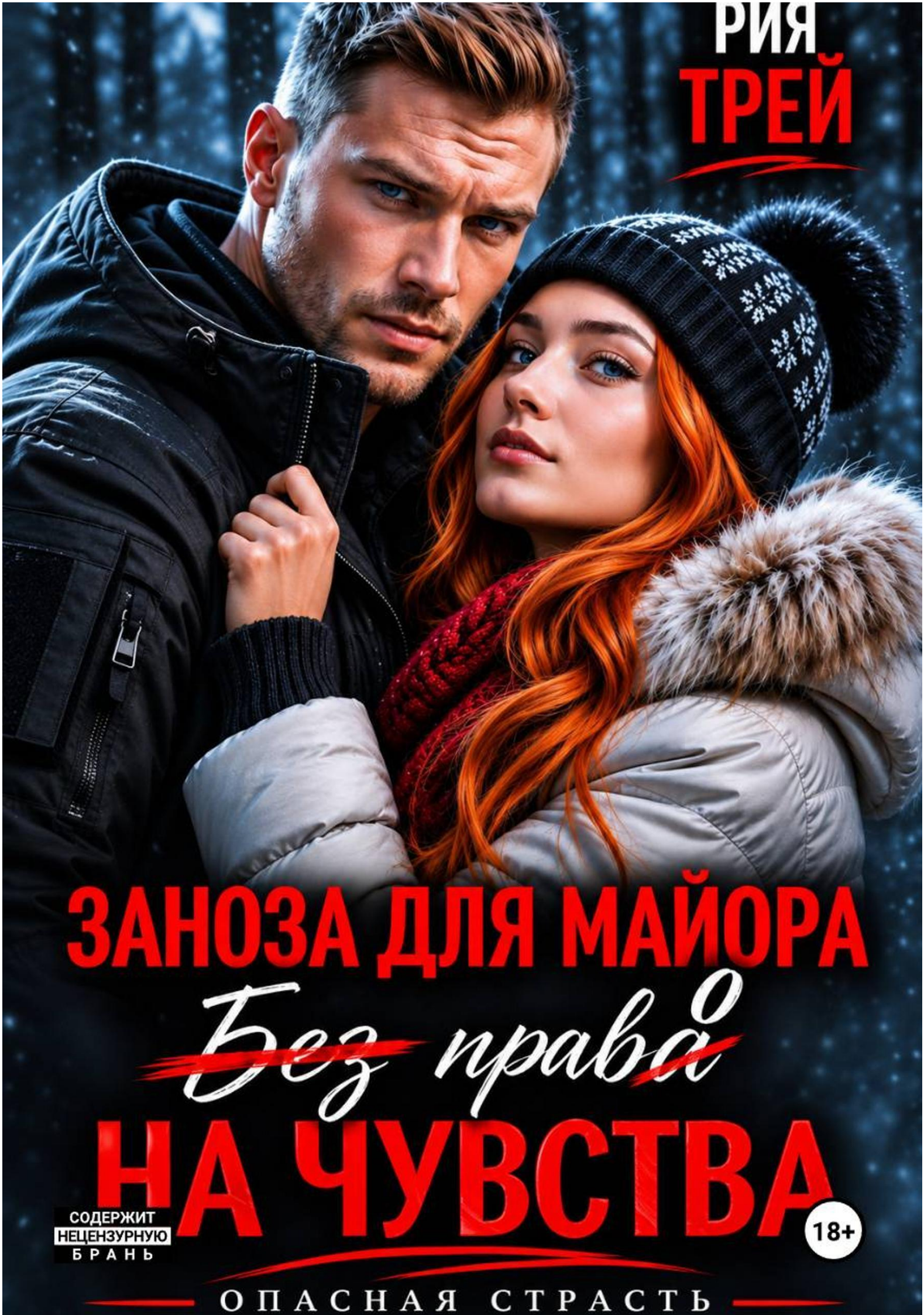
РИЯ
ТРЕЙ
ЗАНОЗА ДЛЯ МАЙОРА
Без права
НА ЧУВСТВА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ОПАСНАЯ СТРАСТЬ

Рия Трей

Заноза для майора. Без права на чувства

«Автор»
2026

Трей Р.

Заноза для майора. Без права на чувства / Р. Трей — «Автор», 2026

— Кто ты? От Хромова? Говори, или я тебя здесь и прикончу! – хриплый голос в темноте, железная хватка на горле.Приехала по наказу деда в заброшенную усадьбу и не ожидала стать свидетельницей кровавой разборки.В доме труп, а снаружи уже слышен рокот моторов тех, кто вернулся, чтобы добить. Выживание теперь зависит от выбора: бежать одной или спасать того, кто минуту назад готов был меня убить. Раненый незнакомец с ледяным взглядом — враг или жертва? И почему его глаза кажутся мне ужасно знакомыми?

© Трей Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 7
Глава третья 9
Глава четвёртая 11
Глава пятая 13
Глава шестая 16
Глава седьмая 19
Глава восьмая 21
Глава девятая 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Рия Трей
Заноза для майора. Без права на чувства

Глава первая

— Боже, и зачем я только на это согласилась, — пробурчала я, вытягивая ногу из грязевой жижи.

Старая охотничья тропинка петляла по заросшему кустами ракитника и ивами берегу озера. От дома деда до усадьбы Орловских нужно было пройти всего ничего, где-то с километр по берегу.

— Дед, вот только вернёшься, я тебе всё выскажу, — продолжала я недовольно шипеть себе под нос, раздвигая ветки разросшегося колючего шиповника.

Моего дедушку положили в больницу две недели назад, и я, на свою голову, пообещала приехать, присмотреть за небольшим хозяйством и проверить дом его почившего приятеля Вениамина Орловского. Дом давно отошёл родственникам Орловского. Но своё слово, приглядывать за домом, дед исправно держал, наведываясь сюда пару раз в месяц.

Чем ближе я подходила к месту, тем сильнее понимала, что что-то не так. Вот явно кем-то сломанная ветка. Примятая пожухлая трава, пробивающаяся сквозь тонкий слой снега. А здесь, очевидно, спугнули какое-то мелкое животное, скорее всего, зайца. Краем глаза замечаю протянутую через тропку леску.

Растяжка? Мы с друзьями в детстве делали такие, вешая банки от консервов на конце. Импровизированная сигнализация на подходах к нашему детскому шалашу-штабику в лесу. Специально задела леску и услышала знакомый металлический звон где-то впереди. Так и есть. Кому понадобилось ставить здесь такую сигнализацию?

Дом на берегу вырос из-за деревьев внезапно. Массивный. Бревенчатый. Построенный на века. С потёртой краской на закрытых ставнях. Это строение всегда выглядело неприступным, но сейчас что-то было явно не так.

Дверь на веранду была приоткрыта. Не настежь, а так, будто её резко толкнули, и она не до конца захлопнулась. Массивный замок болтался на гвозде рядом с перилами. Вокруг следы колёс и обуви. Много следов рифлёных подошв большого размера. Внутри всё скрутилось в холодный комок.

Сердце сжалось в нехорошем предчувствии. Тут явно кто-то был или… до сих пор ещё здесь? А если он или они — не с добрыми намерениями?

«Вызвать полицию», — первая мысль тут же прорезала сознание. Я судорожно вытащила телефон. Но на экране красные крестики там, где должны быть значки уровня сигнала сети.

Конечно. Здесь, в этой ложбине между холмами, связи почти никогда не было. Дед звонил только с особой точки у старой сосны.

Стояла, не решаясь двинуться. Делать нечего. Нужно хотя бы заглянуть. Выполнить дедов наказ.

«Может, это просто родственники соседа наведались? Замок же не сорван», — попыталась успокоить себя.

У Вениамина Орловского вроде было два внука, которые приезжали к деду на лето. Но я последний раз видела их, когда мне было лет пять или шесть. Мальчишки были гораздо старше и не очень горели желанием развлекать мелюзгу вроде меня. Но могли они приехать проведать дом деда? Могли. Но тогда, почему не затоплена печь? Я не видела дыма над трубой. В доме, должно быть, сейчас ужасно холодно.

Сердце заколотилось где-то в горле. Я осторожно, краем резинового сапога, подтолкнула дверь. Та скрипнула, открывая полумрак прихожей. Пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё… сладковатым, едким. Как будто жгли пластик.

— Здравствуйте? — мой голос прозвучал жалко и слишком громко в гробовой тишине. — Тут кто-нибудь есть?

Только слабое эхо ответило мне. Я сделала шаг внутрь, потом ещё один. Солнечный луч из открытой двери осветил пол, усеянный осколками стекла от разбитой лампы и витражного окна веранды.

— Я внучка деда Матвея с лесничьей заимки, — больше для успокоения себя крикнула я в глубину дома. — Есть кто?

В гостиной царил хаос. Мебель была опрокинута и разбита. На стенах красовались странные отметины, словно кто-то размазал красную краску по бревнам. Местами виднелись маленькие дырочки с отколовшимися щепками.

Испуг сменился возмущением. Это уже натуральный вандализм! Я подняла с тряпичного половика фото в разбитой рамке: пожилая пара, друг дедушки Вениамин Орловский с женой.

Сложилось ощущение, что здесь было побоище. Едва эта мысль закралась в голову, как я чуть не наступила в тёмную лужу у входа в комнату. Нахмурившись, я сняла перчатку и присев на корточки, аккуратно тронула тёмную жидкость кончиком пальца.

Холодная, липкая субстанция с металлическим запахом и характерным цветом.

Кровь?! — тут же вспыхнуло сиреной в голове. Практически отпрыгнула в сторону и едва не упала, споткнувшись о перевёрнутый стул. Сердце выпрыгивало из груди, разгоняя по телу липкий холодок страха. Оглянулась в поисках потенциальной угрозы.

Из-за перевёрнутого дивана виднелись ботинки. Толстая рифлёная подошва с прилипшими ошмётками грязи.

Сглотнула тошнотворный комок и аккуратно подкралась ближе. Ботинки оказались не просто грязной обувью. Они продолжались ногами в камуфляжных штанах. На животе зияло кровавое месиво, будто кто-то выстрелил из дробовика в упор.

Я отшатнулась, прикрыв рот рукой. Боялась закричать. Вдруг убийца ещё где-то здесь?

Нужно бежать. Прямо сейчас. Вызвать полицию, — вихрем пронеслось в голове. Я резко развернулась и почти бегом направилась к выходу.

И тут я услышала звук.

Глава вторая

Тихий, едва уловимый звук. Как стон. Или подавленный вздох. Он доносился из-за полуоткрытой двери в соседнюю комнату.

Я замерла у выхода на террасу. Кровь застыла в жилах, а потом устремилась к вискам с бешеным грохотом. Кто-то ещё здесь. Раненый? Бомж? Маньяк?

Тело посылало один чёткий сигнал: бежать. Бежать сейчас же, пока не поздно. Но ноги будто вросли в пол.

«Успокойся, Лиза, — прошипела я сама себе. — Ты же врач, хоть и ветеринар. Наверняка сможешь помочь. Может быть, это ещё одна жертва?»

Мысль, что за дверью может лежать истекающий кровью человек, пока я сбегаю за помощью, заставила меня сделать шаг назад. А затем шагнуть к соседней комнате. Внутри меня шла борьба: инстинкт самосохранения против долга, вбитого в голову за шесть лет учёбы. Долг, подпитываемый дурацким чувством ответственности, победил.

Я осторожно подошла к двери, заглянула в щель. В комнате было темнее из-за закрытых штор. И тот же хаос, что и в большой комнате. Но на полу, прислонившись к стене под окном, сидела тень.

Большая, смутная, неподвижная тень.

Сердце колотилось так громко, что, кажется, его было слышно на весь дом. Я толкнула дверь. Петли противно скрипнули.

— Вам… вам помочь? — от страха мой голос прозвучал комариным писком.

Замерла на пороге, цепенея. Тень шевельнулась. И вдруг ожила. Это было не плавное, болезненное движение раненого человека. А резкий, отрывистый спазм. Тень вскочила с нечеловеческой, какой-то кошачьей скоростью, отрываясь от стены.

Не встала, не поднялась, а именно вскочила, будто сжатую до предела пружину вдруг отпустили. И между мной и выходом оказался огромный мужчина, заполняя собой весь проём. Я даже вскрикнуть не успела, буквально захлебнулась воздухом.

Передо мной стояла стена из чёрной ткани. Запах ударил в нос: порох, гарь, пот с примесью чего-то металлического, так пахнет кровь. И через миг железная, невероятно сильная рука обхватила моё горло, прижимая к косяку так, что в ушах зазвенело от удара.

Воздух перекрыло начисто. В глазах потемнело, заплясали чёрные и жёлтые точки. Я царапала его руку, но мои ногти бессильно скользили по плотной ткани. Пыталась вдохнуть и не смогла, из горла рвался только жалкий, булькающий звук.

Волна паники накрыла меня с головой.

Я сейчас умру.

Его лицо было в сантиметрах от моего. Я видела каждую чёрточку на коже: тёмную щетину, напряжённые скулы, плотно сжатые губы и капли пота на висках и широком лбу. Но глаза, вот что было самое страшное. Серые, ледяные, они горели нечеловеческой яростью. Я словно смотрела в глаза хищнику, загнанному в угол. В них не было ни тени сомнения или человечности. Только холодная решимость убить.

Горячее дыхание незнакомца обжигало кожу моего лица.

Голос низкий, хриплый от напряжения, врезался в моё сознание сквозь панику:

— Кто ты? От Хромова? Говори, или я тебя здесь и прикончу!

Я попыталась качнуть головой, но его хватка только сильнее сжалась, стальные пальцы впились в шею. В глазах потемнело. Я умру. Сейчас, здесь, в этом проклятом доме, выполняя дурацкий наказ деда. Последнее, что я увидела, безумный горящий взгляд мужчины и тёмное, почти чёрное, пятно, расползающееся по рукаву его куртки у самого плеча. Пятно влажное, блестящее.

Он ранен. Тяжело ранен.

Действовала скорее на инстинкте, вытесняющем животный страх. Я ударила. Не мужчину, а по его ране. Собрав все остатки сил, ткнула сведёнными вместе пальцами в мокрое пятно на его плече.

Он вздрогнул всем телом, и в серых глазах, на миг, погасла ярость, сменяясь вспышкой невыносимой, острой боли. Хватка ослабла на долю секунды. Этого хватило, чтобы я втянула в себя струйку воздуха и прошипела, захлёбываясь и давясь словами:

— Дед… лесник… просил посмотреть… за домом

Моё лицо исказилось от ужаса, слёзы текли по щекам сами собой. Я явно не выглядела как угроза. Я выглядела как перепуганная до смерти девчонка, какой сейчас и была.

Мужчина пристально смотрел на меня. Его взгляд, острый, как бритва, скользил по моему лицу и одежде, затем остановился на широко открытых от ужаса глазах, мокрых от слёз щеках. Ярость в его взгляде сменилась сосредоточенностью.

Незнакомец смотрел на дедов тулуп, обычные джинсы и веснушчатый вздёрнутый нос. Видел мою беззащитность. Его взгляд опустился на ноги, обутые в слишком большие утеплённые резиновые сапоги деда.

— Внучка лесника? — с удивлением и какой-то растерянностью вырвалось у него, больше похоже на стон, чем на вопрос.

В голосе не просто изумление, а странное разочарование, будто он надеялся на врага, а получил проблему.

И вдруг его глаза закатились. Веки сомкнулись. Вся титаническая сила, державшая его на ногах, разом испарилась. Он тяжело, как срубленный дуб, рухнул прямо на меня, и мы вместе упали на пол, в пыль и осколки. Его горячая голова безвольно ударилась мне в плечо.

Тишина.

Оглушительная, звенящая, снова заполнила дом. Снаружи донеслось отдалённое карканье вороны. Солнечный луч из прихожей осветил пыль, кружащуюся в воздухе.

А я лежала. Задыхаясь. Под невероятной тяжестью незнакомого мужчины. Грузное тело придавило меня к доскам пола. Я чувствовала жёсткий ремень разгрузки, впившийся мне в бок. Мои пальцы судорожно вцепились в куртку мужчины. И по пальцам текла горячая, липкая влага.

Что делать? Господи, что теперь делать?

Глава третья

Несколько секунд я просто лежала в оцепенении, раздавленная весом мужчины. Воздух с трудом пробивался в сдавленные лёгкие. Голова гудела от недавнего удушья, а по щекам всё ещё текли слёзы.

Первой пришла холодная мысль: он мёртв?

Сердце ёкнуло от нового страха. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой — он придавил меня полностью, как тяжёлый мешок с песком. Только голова оставалась свободной, упираясь подбородком в его волосы, пахнущие дымом и потом.

— Эй, — хрипло прошептала я. — Эй, вы…

Ответа не последовало. Но сквозь слои одежды я почувствовала жар, исходящий от тела мужчины. И слабую, прерывистую вибрацию в груди — сердце всё ещё билось.

Он жив. Без сознания, но жив.

Паника вернулась, острая и липкая. Что делать? Как вылезти из-под него? Бежать, наконец-то, вон из этого проклятого дома, пока не поздно. Инстинкт самосохранения кричал одно. Но что-то другое, глубинное и упрямое, уже включилось.

Ты же врач, Лиза. Пусть ветеринар. Но принцип тот же, — упрямо пронеслось в голове.

Зажмурилась, стараясь унять дрожь в руках и ногах. Глубоко вдохнула, насколько позволяла сжатая грудь. Пахло металлом, гарью, мужским потом и чем-то тёплым, живым. Запах был непривычным и пугающим.

Сначала нужно было освободиться. Я упёрлась ладонями в скользкий от крови и пыли пол и попыталась выбраться из-под него. Но это оказалось невозможно. Мужчина был слишком тяжёлым. Тогда я согнула ногу в колене и, напрягаясь изо всех сил, упёрлась ею незнакомцу в бок. Наконец, мне удалось сдвинуть тяжёлое тело хотя бы на сантиметр, потом ещё на один. Дышать стало немного легче.

Наконец, я высвободила руку. Пальцы липли друг к другу. Я посмотрела на них при свете из прихожей — они были тёмными, почти чёрными.

Не думать. Нельзя сейчас думать, что это. Только действовать.

Я перекатила его на спину. Он упал с глухим стуком, беззвучно, как тряпичная кукла. Лицо мужчины, такое страшное и яростное минуту назад, теперь казалось просто усталым и очень бледным под слоем грязи и щетины. Глаза были закрыты, длинные тёмные ресницы отбрасывали тени на впалые щёки.

Теперь я смогла разглядеть его лучше. Высокий, широкоплечий, в чёрной тактической куртке с множеством карманов. Под ней — разгрузочный жилет, тоже чёрный. На боку в кобуре висел внушительный пистолет.

Рана. Нужно было найти рану.

Я потянулась к влажному пятну на его плече, замечая, что такое же мокрое кровавое пятно расползалось по штанине на левом бедре. Два ранения. Сердце упало.

— Божечки, божечки, — зашептала себе под нос я, отодвигая края расстёгнутой куртки. — Только не умирай.

Под верхней одеждой, помимо бронежилета, тёмный флисовый свитер, насквозь пропитанный кровью. С застёжкой на плече справилась довольно быстро, но плотную флисовую ткань никак не получалось порвать.

Паника снова подкатила к горлу. В страхе я огляделась вокруг, ища способ разрезать кофту. Руки автоматически нырнули в карманы дедова тулупа, и пальцы наткнулись на что-то холодное и металлическое. Складной нож деда. Старый, немного затупленный, но лучше, чем ничего.

Дрожащими пальцами я раскрыла лезвие и начала разрезать свитер. Ткань поддавалась с трудом, но я не сдавалась, пока не обнажила плечо.

Рана была страшной. Рваное отверстие чуть ниже ключицы, из которого сочилась тёмная кровь. Пуля, должно быть, прошла навылет — сзади, когда я с трудом перевернула его, было такое же отверстие, немного больше. Кровотечение не было пульсирующим артериальным, но потеря крови уже была значительной.

Без помощи мужчина очень быстро истёк бы кровью.

Нужен был жгут, давящая повязка, антисептик… Всё это было в дедовом доме. Здесь же вряд ли что-то удастся найти. Краем глаза заметила постельное бельё на кровати. Сероватое, застиранное, на нём явно недавно кто-то спал. Рванула на себя простыню и принялась кромсать её ножом и руками на длинные полоски ткани.

Работала быстро, на автомате, как когда-то на практике в ветеринарной клинике. Сложила несколько слоёв ткани в плотную подушечку, прижала к входному отверстию на плече и начала обматывать полоской простыни вокруг груди и под мышкой, затягивая как могла туже. Потом проделала то же самое со второй раной на спине.

Для бедра пришлось разрезать штанину. Здесь рана была хуже — пуля, похоже, застряла. Кровь сочилась упорно. Я наложила давящую повязку, понимая, что это лишь временная мера.

Всё это время мужчина не подавал признаков сознания, только иногда стонал сквозь зубы, когда я слишком сильно давила на раны. Каждый его стон заставлял меня вздрагивать.

— Потерпи, миленький, — тихо шептала я, будто успокаивала кота или кролика из своих подопечных. — Сейчас будет легче.

И вот, когда я завязывала последний узел повязки на бедре, его рука вдруг молниеносно схватила меня за запястье.

Я вскрикнула от неожиданности, выронив остатки импровизированных бинтов. Пальцы незнакомца сжались как тиски, но без смертельной силы, что была раньше. Скорее, это было судорожное, рефлекторное движение.

Он открыл глаза. Они были мутными, без ледяной ярости, но осознанными. Взгляд скользнул по моему лицу, по окровавленным рукам, по импровизированным повязкам на его теле.

— Что… — голос мужчины был хриплым, едва слышным. — Что ты делаешь?

Незнакомец попытался приподняться на локте, лицо исказилось от боли.

— Не двигайтесь, — выпалила я строго, пытаясь высвободить руку из захвата. — Вы истекаете кровью. Сейчас я вас перевяжу и сбегаю за помощью.

Мужчина уставился на меня, будто не понимая слов. Потом его взгляд прояснился, и в нём вспыхнула не ярость, а тревога и что-то похожее на сожаление.

— Уходи, — прошипел он, и в этом шёпоте была такая же железная команда, как и в прошлой угрозе. — Сейчас же. Беги. В лес. Прячься.

— Я не могу вас просто бросить здесь…

— Не твоя забота, — зло перебил меня незнакомец, с трудом переводя дыхание. — Люди Хромова. Они скоро будут здесь. Проверить. Убить всех свидетелей. Тебя убьют. Не раздумывая. Или сделают кое-что хуже. Понимаешь? Уходи. Немедленно.

Сердце заколотилось от нового витка страха. Мамочки, куда я вляпалась?

Глава четвёртая

Вместо ответа я упёрлась руками в пол и встала. Ноги дрожали. Подошла к окну, приподняла край шторы. Снаружи был тихий зимний лес, пустынная заснеженная поляна перед домом. Ни души. Только вороны каркали где-то вдалеке.

— Я сказал, уходи, — снова прошипел мужчина, пытаясь приподняться на локте и снова бледнея от боли.

Внутри всё тревожно сжалось. Но вместе со страхом появилось упрямство. Я не могла оставить раненого. Просто не могла.

— Они уже здесь? — спросила я, не оборачиваясь, всё ещё вглядываясь в лесную опушку.

— Скоро придут. Уходи.

Голос незнакомца звучал как напильником по металлу. Я обернулась к нему. Мужчина лежал, сжав зубы, но его серые глаза пристально следили за мной. И в них я прочла не только отчаяние, но и тревогу. Не за себя. За меня? Неважно. Но его взгляд стал последней каплей.

— Нет, — упрямо тряхнула я головой, и прядь рыжих волос выбилась из-под шапки. — Я не оставлю вас здесь. Вы истекаете кровью, и вам нужно вытащить пулю из ноги. В доме деда есть лекарства, антибиотики, бинты. Там тепло и можно будет вызвать какую-то помощь.

Он замер, оценивая ситуацию. Серые глаза незнакомца, мутные от боли, скользнули по моему лицу, по окровавленным рукам, задержались на моих упрямо сжатых губах. Во взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с раздражением.

— Где дом? — сипло выдохнул он через силу.

— В километре отсюда. По берегу. Если по лесу напрямик — меньше, но там давно никто не ходил и передвигаться сложнее.

Мужчина закрыл глаза, будто обдумывая варианты. Когда открыл снова, во взгляде осталось только ледяное самообладание солдата, принимающего решение.

— Ладно. Но уходить будем через подпол. Там в чулане вход…

Незнакомец кивнул на стену, стиснул зубы и обессиленно откинулся на спину. Я огляделась. Низкая дверь слегка выделялась на фоне обшитой тёмной вагонкой стены.

— Здесь? — спросила я и, не дожидаясь ответа, распахнула чулан.

Внутри пахло сыростью, пылью и мышами. И было пусто. Вместо пола зияла тёмная дыра. Доски лежали рядом, позволяя разглядеть шаткие ступеньки в черноту.

— Да, туда, — выдохнул мужчина. — Как спустишься, поверни направо и иди до конца. Там фальшстена из фанеры, она легко отодвигается. Проход ведёт к оврагу. Иди. Живо.

— Нет! — нахмурилась я и резко повернулась к нему. — Я не пойду без вас. Либо мы идём вместе. Либо я остаюсь здесь ждать ваших гостей.

— Упрямая, глупая девчонка, — со злостью прошипел мужчина себе под нос. — Ты не понимаешь, во что ввязываешься. Это самоубийство. Для нас обоих. Я в любом случае не жилец. Ты завалишь мне всю операцию. Я должен прикрыть отход. Погибнут хорошие люди. Уходи. Это приказ.

— Я не подчиняюсь вашим приказам, — бросила я, подходя ближе к нему. — Но оставить вас здесь, для меня равносильно убийству. Или вы думаете, я потом смогу спокойно спать? Давайте, лучше, я помогу вам встать.

Он смерил меня долгим взглядом. Но спорить у мужчины сил явно не было. Незнакомец тяжело вздохнул и коротко кивнул.

— Сумку, захвати сумку. У окна. Брось её в подпол.

Я вскочила и подхватила тяжеленную сумку, едва смогла оторвать её от пола.

— Боже, что там у вас, кирпичи? — попыталась нервно пошутить я, волоча неподъёмную ношу к лазу.

— Ага… для облицовки, — прошипел незнакомец, пытаясь приподняться и сесть, лицо исказилось гримасой боли.

— Чувство юмора есть, значит жить будете, — тяжело отдуваясь, огрызнулась я, спихивая сумку вниз.

Ноша гулко стукнулась о земляной пол где-то внизу. Теперь предстояло самое сложное — поднять и переместить самого мужчину. Я вернулась к нему, присела на корточки, засунула руки ему под мышки. Его тело было горячим, как печка, даже через одежду.

— Помогайте, — сквозь зубы просипела я. — Упирайтесь здоровой ногой. На счёт три. Раз… Два…

Он не стал спорить. Его лицо побелело от напряжения, когда мы вместе, в унисон, рывком подняли его в почти вертикальное положение.

Мужчина весил непомерно много. Каждый наш шаг к люку был мучительным. Он хватал ртом воздух, я чувствовала, как дрожат его мышцы под моими руками. Мы оба были мокрыми от пота. Я старалась не смотреть на кровавые пятна, проступавшие сквозь свежие повязки.

Наконец, мы добрались до провала в полу. Спуск в темноту казался прыжком в пропасть.

— Сначала ты, — приказал он, облокотившись на стену чулана и тяжело дыша, прикрыл глаза. — Осмотрись внизу и…

Он недоговорил. Но я и сама услышала.

Сначала это был далёкий, едва уловимый гул. Гул нарастал, разделяясь на отдельные рокоты. Моторы. Не один. Несколько. Они приближались по лесной дороге. Скорость была высокой.

Я замерла, невольно сильнее вцепившись в куртку мужчины. Он открыл глаза. В них не было ни страха, ни паники. Только холодная, отточенная годами готовность.

— Быстрее, они рядом, — скомандовал он.

Я без возражений спустилась по крутым, скрипучим ступеням. Подпол был неглубоким, заваленным старыми банками, ржавым железом и пахнущим прелым хламом. Луч света от телефона выхватывал пыльные паутины и земляные стены.

— Спускайтесь, — шёпотом крикнула я наверх. — Я ловлю.

Он молча кивнул, сел на край проёма, свесив ноги. Лицо мужчины было искажено болью, но движения оставались собранными и чёткими. Он развернулся, ухватился руками за балки перекрытия и начал спускаться, почти падая. «Боже, кажется, он снова потерял сознание», — панически пронеслось в голове.

Глава пятая

Машинально бросилась вперёд, подставляя плечи, и приняла на себя большую часть веса раненого незнакомца. Мы рухнули на земляной пол в облаке пыли. Воздух вырвался из его груди болезненным стоном, который он тут же подавил, прикусив губу до крови.

— Всё нормально, всё нормально, — зашептала я, больше для самоуспокоения, помогая отползти мужчине от лестницы.

Он сел, прислонившись к холодной земляной стене, и закрыл глаза, собираясь с силами. Я видела, как дико бьётся жилка на его шее. В свете фонарика я нашла тяжёлую сумку и притащила к нему.

— Можешь идти? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Доски. Нужно закрыть лаз, — выдохнул мужчина. — Справишься сама?

— Справлюсь, — уверенно кивнула я, не спрашивая, зачем.

Я полезла обратно по шатким ступеням. Руки дрожали, но страх придавал сил. Поставила на место одну тяжёлую доску, потом другую, укладывая их на место, как крышку на погреб. Последнюю, самую узкую, вставила сбоку, аккуратно пододвинув пальцами, чтобы не было видно щелей.

Доски перекрыли лаз. Снизу донеслось едва слышное шипение:

— Вниз. Сейчас.

Я скатилась вниз, как мешок. Чувствуя себя неповоротливым пингвином в дедовом тулупе. Мужчина уже стоял, вернее, держался за стену. Его лицо в полосе отсвета фонарика было землистым, но взгляд горел холодным огнём.

— Отлично, это даст нам немного времени, — сквозь зубы прошипел мужчина, устало прислонившись к земляной стене подпола. — Они не сразу догадаются.

— Что теперь? — спросила я, стараясь не вслушиваться в рёв приближающихся моторов.

— Право… — он указал рукой вглубь подполья. — До упора. Фанера. Просто сдвинь в сторону.

Я взяла сумку и потащила её по земляному полу, спотыкаясь о валяющийся на полу хлам. Незнакомец тяжело двигался следом, придерживаясь рукой за стену и подволакивая раненую ногу.

Дышать в сыром, спёртом воздухе было тяжело. С каждым метром я ждала, что вот-вот сверху раздадутся шаги, голоса, или, что ещё хуже, выстрелы…

Наконец, мы оказались в конце прохода, вдоль стены стояли самодельные полки, между ними — потемневший лист фанеры. Я с трудом сдвинула деревянный щит, замаскированный под стену, за фанерой оказался узкий, тёмный, низкий проход, пахнущий сырой глиной и холодом.

С улицы донеслись совершенно отчётливые звуки: тяжёлый рокот моторов, не один, а несколько. Глухой хлопок двери машины. Потом ещё один.

Они были здесь. Прямо у дома. Приглушённо раздался грубый мужской голос:

— Обыщите здесь всё!

Мы замерли, едва дыша. Лёд пробежал по спине. Мужчина метнул на меня быстрый взгляд. В его серых глазах не было страха. Была холодная, хищная концентрация и тревога. Он приложил палец к губам и выудил из своей сумки автомат. Внутри меня всё сжалось в комок. Почувствовала кровь, отливающую от лица.

— Потуши фонарь, — одними губами прошептал незнакомец. — Тихо.

Я быстро сунула телефон в карман тулупа, только сейчас понимая, что я насквозь взмокла.

Над нами раздались тяжёлые шаги, лязг металла, хруст разбитого стекла под подошвами. Они уже были в доме.

Я со страхом посмотрела вверх. В щели пола были видны ноги в высоких ботинках, обыскивающих дом.

— Здесь пусто! — прогремел чей-то бас прямо над нашей головой. — Но они точно были здесь.

— Труп есть! Наш, кажется, — отозвался другой.

— Ищите! Они не могли далеко уйти! Если этот мальчишка думает, что мы не знаем про дом его деда, то он либо глуп, либо слишком самоуверен.

Шаги и голоса над нами не умолкали. Они ходили, что-то сдвигали, ругались. Мужчина напряжённо стоял, не двигаясь, готовый в любой момент открыть огонь, если они найдут спуск в подпол.

— Здесь есть потайная дверь! — раздался радостный возглас и тяжёлый удар пришёлся по двери в чулан.

— Но здесь пусто, — с раздражённым разочарованием отозвался другой голос.

— Тащите бензин и спалите здесь всё к чертям! Чтоб ни следа не осталось! — проревел тот же грубый голос и следом раздался дружный, раскатистый хохот.

Над головой раздался новый звук. Нарастающий, зловещий треск. И яркий, мелькающий свет заплясал в щелях пола. Свет не электрический, а живой, неровный, бросающий на стены подпола безумные тени.

Треск над нами перешёл в яростный гул. Пахнуло гарью. Не дымом от костра, а едкой, удушающей вонью горелой краски, дерева и какого-то химического запаха. Дом горел.

У меня перехватило дыхание. Этот дом… Я помнила его с детства. Помнила деда Вениамина, который угощал меня пряниками на веранде. Помнила запах печёных яблок и старого дерева. И теперь там пляшут языки пламени.

— Быстро. Вперёд. Я за тобой.

Незнакомец подтолкнул меня в спину, поторапливая. Я протиснулась в проход, волоча за собой сумку. За мной послышалось тяжёлое дыхание.

Проход был низким и узким, пришлось идти пригибаясь. Я двигалась на ощупь, в полной темноте, чувствуя, как холодная влага сочится сквозь стены. Мы шли, казалось, вечность.

И вот впереди забрезжил серый свет. Ещё несколько метров — и я выбралась из земляной трубы в глубокий, заснеженный овраг, густо заросший ольхой. Крутые склоны скрывали проход от посторонних глаз. Свежий морозный воздух ворвался в лёгкие, обжигая после затхлости подпола.

Я вытащила сумку и, обернувшись, помогла раненому выбраться наружу. Он выполз, тяжело рухнул на снег у выхода из лаза и замер, прислушиваясь. Его профиль в тусклом зимнем свете был резким и напряжённым.

— Кажется, пронесло, — выдохнула я, садясь рядом и чувствуя, как дрожь пробирает меня изнутри.

Адреналин начал отступать, и я почувствовала ледяной холод, пробирающийся под взмокшую одежду. Мужчина резко поднял голову.

— Дай сумку, — приказал незнакомец. — И уходи отсюда, как можно дальше. Ты сделала что могла. Об увиденном лучше молчи. Полиция может быть у них под колпаком, поняла?

— Что вы собираетесь делать? — нахмурилась я, не спеша выполнять распоряжение мужчины.

— Что и собирался, пока некоторые любопытные пигалицы не спутали мне все карты, — огрызнулся незнакомец сквозь стиснутые зубы. — Прикрывать отход брата. Они уехали только полчаса назад, им нужно ещё время. Я должен был быть внутри. Задержать их. Отстреливаться. А ты…

— Да они бы вас просто сразу убили, — зашипела я на него. — Вы теряли сознание от кровопотери. И сейчас вы собираетесь…

— Они спалили дом моего деда! — полушёпотом огрызнулся мужчина.

— Дом деда… Дед Вениамин ваш дедушка? — округлила я глаза на мужчину.

Конечно! Как я сразу не поняла. Ведь он знал, где прятаться, куда бежать… Игорь или Ярослав? Я не видела внуков соседа миллион лет. Братья Орловские. Мне было пять или шесть. Им было по пятнадцать-шестнадцать, может, чуть старше… Этот выглядит лет на тридцать пять…

— Ярослав? Вы… Ты… Ярослав Орловский? — неуверенно спросила я, заглядывая мужчине в глаза.

Глава шестая

Мужчина ответил не сразу. Словно ему потребовались силы не только на ответ, но и на то, чтобы вернуть взгляд от чёрного дыма, поднимавшегося столбом за нашим укрытием в овраге. И медленно повернул ко мне лицо.

Теперь при сером свете дня, я разглядела его детальнее. Седые нити в коротко стриженных тёмных волосах у висков. Преждевременные морщины вокруг глаз. Напряжённая, резкая линия губ. Но во взгляде под слоем боли мелькнуло узнавание.

— Да, — хрипло выдохнул он и медленно кивнул. — Ярослав Орловский.

Имя, произнесённое вслух, вдруг сделало его не опасным незнакомцем, вооружённым и смертоносным, а человеком из моего прошлого. Ярослав. Старший из внуков деда Вениамина.

Парень, которого я в пять лет со смешным благоговением наблюдала издалека, потому что он казался существом из другого, взрослого мира. Он вместе с братом мог часами что-то мастерить в сарае, молча проходил мимо с удочками. Но однажды, заметив, как я плачу под деревом, потому что мой бумажный змей запутался в ветвях, молча вскарабкался наверх, снял его и сунул мне в руки. Не улыбнулся. Кивнул и ушёл.

И ещё куча воспоминаний вихрем пролетели в голове, но сейчас мне было не до ностальгических настроений.

Потому что теперь Ярослав сидел передо мной, стиснув зубы от боли и истекая кровью в снегу, а за его спиной огонь пожирал наследие деда Вениамина. Сердце неприятно сжалось.

— А ты, Лиза, — с тяжёлым придыханием выдавил он, — дочь Светланы, внучка дяди Матвея, рыжая. Мы звали тебя Лисёнком. Мелюзга, что вечно путалась под ногами и пыталась пристроиться к нашему костру.

— Как видишь, мелюзга выросла. Но всё ещё рыжая, — глупо пробормотала я, машинально поправляя выбившиеся из-под шапки волосы.

Уголок его рта дрогнул, но улыбкой это назвать было нельзя. Скорее, гримасой горькой иронии.

— Поздравляю. Теперь ты в одной упряжке с тем, на кого объявлена охота. Ты невероятно везучая.

Его сарказм вернул меня к суровой реальности. Дрожь, которую я пыталась подавить, снова пробежала по спине, но теперь это был не только страх, но и леденящий холод. Ветер, гулявший по оврагу, пробирался под тулуп и замораживал до костей через взмокшую одежду.

Почувствовала, как ноют мышцы, как трясутся от перенапряжения руки. Адреналиновая подпитка кончилась, и накатывала свинцовая усталость.

— Нам нужно двигаться, — произнесла я, с трудом поднимаясь на онемевшие ноги. — Вы… ты истекаешь кровью, а я замерзаю. Дом деда — единственное место, где можно отогреться и тебя нормально перевязать.

Ярослав кивнул, но его движения стали замедленными, заторможенными. Шок и кровопотеря, наконец, настигали его. Он попытался встать, опёрся на здоровую ногу, но споткнулся о свою же сумку и тяжело рухнул на колено, сдавленно крякнув. Лицо Ярослава исказилось гримасой бессильной злости.

— Чёрт…

Я бросилась к нему, забыв о собственном страхе и усталости. Теперь Орловский был просто моим пациентом. Тяжёлым, непослушным, но пациентом. Я схватила его под мышки, почувствовав, как горячо пышет жаром его тело даже сквозь слои одежды. Лихорадка.

— Опирайся на меня, — приказала я тоном, который обычно использовала для строптивых бычков. — Не геройствуй. Просто иди. Дай сюда сумку.

— Ты не сможешь, — пробормотал Ярослав, но хватка ослабла.

— Смогу, — сквозь зубы процедила я, накинув длинный ремень тяжёлой сумки через плечо наискосок. — Вот так. Делай шаг здоровой. Я потяну.

Мы двинулись. Медленно, мучительно, как два раненых зверя. Я тащила и сумку, и его, он, стиснув зубы, волок раненую ногу, оставляя на снегу неровный кровавый след.

Приходилось часто останавливаться, чтобы перевести дух. Ярослав тяжело, со свистом дышал, его веки предательски слипались. Я то и дело щипала его за здоровое предплечье, не давая отключиться.

— Не спи. Говори что-нибудь. Про Хромова. Кто он такой? — бубнила я, продираясь сквозь заросли сухого тростника на краю оврага.

— У него… связи, — с трудом выдавил он. — Крышует контрабанду. Оружие. Торговля живым товаром. Люди… как те, что в доме были. Бывшие… спецназовцы. Отморозки. Игорь с девчонкой… здесь прятались…

Ярослав замолчал, собираясь с силами. Мы выбрались из оврага на более-менее ровное место. Дальше приходилось пробираться через бурелом.

— Девчонка… важный свидетель по делу Хромова. Охота идёт за ней… Попутно убирают всех, кто им помогает… Только Царёв… может противостоять Хромову. Но среди нас крот… Первое убежище слили. И что Игорь с девчонкой здесь тоже. Меня перехватили, когда я вёз брату провиант. Из моей группы только я выжил…

Он снова замолчал, погружаясь в тяжёлые мысли. Лес, казалось, не хотел нас отпускать. До дома деда было ещё далеко. Нужно было заставлять его говорить, держать в сознании.

— А тот… второй в доме… — сглотнув комок в горле, спросила я, помогая Ярославу перебраться через скользкую, обледеневшую корягу.

— Это бандит Хромова. Второй лежит за домом, у их машины. А третий сбежал за подмогой, — натужно выдохнул Ярослав, и по его лицу пробежала судорога боли.

— А почему ты был в доме один? — не унималась я, цепляясь за разговор как за спасательный круг.

— Я приказал им уходить… Остался прикрывать отход. По идее, наши должны были подтянуться на связь, но… — он махнул здоровой рукой, — лучше пока не рисковать.

— А почему просто не обратиться в полицию? — вырвался у меня наивный, детский вопрос.

— Полиция? — Ярослав хрипло, беззвучно рассмеялся, и этот смех был страшнее любой угрозы. — Какая же ты… наивная, Лиза. У Хромова… половина района в кармане. А те, кто не в кармане… могут просто не успеть. Меня… и тебя… найдут раньше.

Леденящее понимание всей опасности ситуации пронзило мозг. Я не просто наткнулась на преступление. Я провалилась в какую-то другую реальность, где действуют свои законы. Настоящая война. Со своими законами, своими правилами, где мы были всего лишь мишенями. И полиция здесь была не защитником, а либо соучастником, либо беспомощным зрителем.

— Тогда быстрее, — выдохнула я, усиливая хватку. — Пока они не начали прочёсывать округу.

Мы заковыляли чуть быстрее, но это «быстрее» было жалкой пародией на бег. Сумка тянула меня вниз, будто налитая свинцом. Рука, обнимавшая Ярослава, онемела до боли. Я уже почти не чувствовала холода — только жгучую ломоту во всём теле и оглушительный свист в ушах.

— А ты… чего попёрлась в наш дом? — выдохнул Ярослав, в очередной раз останавливаясь, чтобы перевести дух.

Он прислонился к стволу сосны, его лицо было землистым, губы побелели.

— Деда… положили в больницу, — с трудом выдавила я, радуясь короткой передышке, моё дыхание тоже сбивалось. — Я пообещала приехать на выходные… присмотреть за хозяйством… и за вашей усадьбой.

Ярослав покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Понятно, — прошептал он. — Ты врач? Неплохо перевязала.

— Вообще-то, ветеринар, но принцип примерно тот же, — пожала плечами я. — Остановить кровь, обеззаразить, зашить. Только шовчик аккуратнее нужно.

Он посмотрел на меня. Сначала не понял, потом его взгляд смягчился на долю секунды. Почти неуловимо.

— Шутка, — хрипло сказал он. — В такой ситуации. Молодец, Лисёнок.

И вдруг его колени подкосились. Весь его огромный вес повис на моём плече. Я едва удержалась, впившись ногтями в его куртку.

— Ярослав!

Он не отвечал. Глаза были закрыты, голова безвольно упала мне на плечо. Сознание снова отступило, на этот раз окончательно. Один на один. В глухом лесу. С тяжелораненым мужчиной, неподъёмной сумкой и бандитами где-то позади.

Острая паника сжала горло.

Глава седьмая

Выбора не было. Оставаться здесь, значит замёрзнуть или быть найденными. Я глубоко вдохнула морозный воздух и взяла себя в руки. Внутри разлилось странное, ледяное спокойствие.

— Ты справишься, Лиза, — сипло прошептала сама себе. — Всё будет хорошо.

Поправила ремень сумки так, чтобы он не душил, обхватила Ярослава и, собрав все силы, потащила его дальше. К дому, теплу, спасению. Шаг за шагом, преодолевая каждый метр как последний рубеж.

Как я добралась, не помню. Помню только адскую тяжесть. Тело Ярослава стало безжизненной ношей, которую я волокла, спотыкаясь, цепляясь за деревья и проклиная всё на свете. Ремень сумки впивался в плечо, будто хотел перерезать ключицу. Руки онемели, дышать было трудно. Каждый вдох рвал лёгкие ледяными крючьями.

Но я шла. Потому что остановиться означало сдаться.

Сквозь слёзы и звон в ушах я узнавала знакомые приметы: кривую берёзу у ручья, камень, похожий на медведя, едва заметную тропку, протоптанную дедом. И вот, наконец, сквозь заснеженные ели проглянула тёмная крыша и серые стены сруба. Дом деда. Спасение.

Я ввалилась с Ярославом во двор и рухнула в снег у крыльца. Несколько секунд я просто лежала, глотая ртом воздух, чувствуя, как по щекам текут слёзы облегчения.

Но разлёживаться было некогда. Я заставила себя перевернуться и встать. Руки тряслись, и я едва нащупала холодный металл ключа на притолоке.

Дверь поддалась, и я волоком втащила Ярослава на крыльцо и втолкнула в сени. Хлопнула дверью, щёлкнула засовом и рухнула рядом с бесчувственным телом своего пациента.

Тишина. Тёплая, густая, пахнущая деревом, уютом и сушёными травами. После ледяного ада снаружи она показалась раем. Серый свет пробивался сквозь стёкла, выхватывая из сумрака помещения знакомые очертания: массивный стол в зоне кухни, камин, дедушкино кресло-качалку, диван.

Отдышавшись, я встала на колени рядом с Ярославом. Он лежал на спине, без сознания, лицо было мертвенно-бледным, губы посинели. Повязки на плече и бедре пропитались кровью насквозь. Нужно было действовать. Быстро.

Сначала — тепло. Я бросилась к котлу, на ходу скидывая с себя тулуп и сапоги. Свитер и штаны прилипали мокрыми тряпками к коже, вызывая противную дрожь. Переоденусь позже. Связки приготовленных дров лежали рядом с котлом. Дрожащими руками я подбросила несколько поленьев в зев нагревателя и прибавила температуру в трубах переключателем. Пламя с треском разгорелось. Стало немного спокойнее.

Следующий шаг был самым тяжёлым — раздеть и перенести Ярослава хотя бы на диван в гостиной. Подхватила бездыханное тело под мышки и волоком оттащила Орловского от двери в гостиную, где на полу лежал старый, но толстый и тёплый ковёр.

Подтащила к дивану, но поднять тяжеленное тело раненого сил не хватило. Я привалилась спиной к подлокотнику, тяжело отдуваясь. Глаза забегали по комнате в поисках решения.

И оно пришло моментально. Внутри будто открылось второе дыхание. Я подскочила с пола и метнулась к шкафу. Вытащила одеяло, постелила на полу, сверху разложила непромокаемые простыни, что лежали у деда в кладовке для раненых животных. Создала импровизированный хирургический стол прямо на полу и перекатила туда Ярослава.

С трудом стянула с раненого куртку, потом бронежилет, который оказался на удивление лёгким. Отстегнула кобуру с пистолетом и аккуратно отложила в сторону.

Флисовая кофта была насквозь мокрой от пота и крови. Ткань присохла к ранам. Пришлось брать ножницы и разрезать одежду, отдирая её от запёкшейся крови. Каждый бессознательный стон заставлял меня вздрагивать и шептать, до боли прикусывая губы:

— Потерпи, потерпи, миленький.

Повязки, наложенные в доме Орловских, пропитались насквозь и съехали. Кровь снова сочилась из ран. Дыра на плече выглядела жутко — края были воспалёнными, опухшими. Ранение на бедре — ещё хуже. Пуля явно сидела глубоко, и начиналось нагноение.

«Всё будет нормально, Лиза, ты справишься», — шипела я себе под нос, бегая по дому и снося в одну кучу всё, что могло пригодиться.

В дедушкином доме была целая аптека. Матвей Петрович, сам будучи ветеринаром, не доверял деревенскому фельдшеру и предпочитал лечиться сам, а заодно и своих четвероногих пациентов.

На полках в кладовке я нашла стерильные бинты, вату, йод, зелёнку, перекись водорода, пузырёк со спиртом. Упаковку сильнейших антибиотиков широкого спектра, что я привезла деду из города на всякий случай. И даже хирургический набор в стерилизованной металлической коробке — скальпели, зажимы, иглы, шовный материал. Этому набору было лет тридцать, но дед содержал инструменты в идеальной чистоте.

Сняла с раненого оставшуюся одежду, кроме нижнего белья. Я видела тело Ярослава. Высокое, мощное, с рельефом мышц, проступающими даже в состоянии полного расслабления. И всё его тело было испещрено шрамами. Старые, белёсые, и свежие, розовые. Следы от пуль, осколков, резаные рубцы. Летопись, карта какого-то чужого, страшного мира, в котором жил Орловский.

Но сейчас важны были две свежие, страшные раны. Дыра на плече — сквозная, относительно чистая. А вот в бедре… Там пуля засела. Её нужно было извлекать.

Прикрыла глаза, собираясь с духом. Молясь всем богам, чтобы у меня получилось.

Глава восьмая

Рассиживаться было некогда. Я поставила чайник кипятиться, тщательно вымыла руки и принесла таз с горячей водой. Как только взяла инструменты, дрожь в руках прекратилась, и я полностью сосредоточилась на работе. Не было места панике. Было только чёткое понимание своих действий: очистить, продезинфицировать, извлечь, снова очистить, зашить.

Я начала с плеча. Промыла рану перекисью, и та зашипела бело-розовой пеной. Ярослав даже не пошевелился. Потом обработала края йодом. Рана оказалась чистой, пуля прошла навылет, не задев кость. Это была удача. Я наложила свежую, тугую повязку с мазью и антибиотиком.

Потом принялась за ногу. Здесь всё было серьёзнее. Придётся расширить раневой канал.

— Прости, Ярослав, — прошептала я, вводя ему в бедро обезболивающее из ампулы. — Сейчас будет больно.

Он не ответил, только губы слегка дрогнули.

Наложила жгут выше раны, глубоко вдохнула и взяла в руки скальпель. Небольшой надрез. Кровь хлынула сильнее. Вспомнились уроки хирургии, книга по полевой медицине в библиотеке деда, которую я когда-то листала из интереса.

Пинцетом принялась искать пулю. Я была уже не Лизой, соседской девчонкой, перепуганной до смерти, а доктором, который должен спасти пациента. Даже если пациент — раненый, опасный зверь в человеческом обличьи.

Это была ювелирная, кропотливая работа. Я вспотела от напряжения. Наконец, металл пинцета наткнулся на что-то твёрдое. Я зацепила, потянула на себя. Из раны, с противным хлюпающим звуком, показался деформированный свинцовый шарик. Пуля.

Я бросила её в жестяную миску, промыла полость антисептиком, засыпала внутрь порошок антибиотика. Взяла иглу с хирургической нитью.

Шила, как учили: аккуратно, ровно, стараясь захватывать только края раны. Ярослав застонал, когда игла впервые вошла в плоть, его тело дёрнулось. Я прижала его бедро локтем, продолжая работать.

— Потерпи, — бормотала я, не отрываясь от шва. — Почти всё. Ещё чуть-чуть.

Когда последний узел был завязан и рана стянулась ровным рядом стежков, я откинулась на пятки. Работа была выполнена. Руки дрожали от усталости, спина болела, но внутри растекалось удовлетворение. Я промыла рану ещё раз, наложила тугую повязку, перебинтовала.

Только теперь я позволила себе взглянуть на Ярослава. Настоящего, а не как на объект для манипуляций. Осторожно протёрла его лицо влажной тряпкой, смывая грязь, копоть и пот. Под слоем грязи проступили черты, которые я помнила смутно: жёсткий подбородок, прямой нос, густые брови. Теперь Орловский выглядел не свирепым хищником, а просто измученным, смертельно усталым мужчиной.

Печь уже вовсю пылала, в доме стало тепло, почти жарко. Я разложила диван, постелила чистое бельё и, собрав последние силы, всё же втащила туда Ярослава. Он весил немыслимо много, но я справилась. Накрыла своего пациента одеялом и утёрла выступивший пот со лба.

И только тогда заметила свои руки. Они были в крови почти по локоть. Одежда на мне грязная и промокла насквозь. Я почувствовала невероятную усталость.

Тяжело поднялась и побрела в небольшую ванную. С облегчением стянула с себя мокрую одежду, умылась, наспех протёрла тело мокрым полотенцем и натянула тёплый халат и шерстяные носки. Снова вернулась к дивану в большой комнате.

Ярослав лежал неподвижно. Дыхание стало ровнее, но всё ещё было поверхностным. Щёки покрыл нездоровый румянец. Я приложила ладонь ко лбу — он горел.

Инфекция. Предсказуемо. Я сделала укол антибиотика, убрала импровизированную операционную, запихала постельные принадлежности в корзину для белья. Сил запускать стирку не было.

Вернулась в комнату к Ярославу, села в кресло рядом с диваном и завернулась в плед. Смотрела на спящего мужчину, знакомого и одновременно незнакомого Ярослава Орловского. Лицо в покое потеряло свою жестокую резкость. Длинные тёмные ресницы отбрасывали тени на щёки. Он казался уязвимым. Почти беззащитным.

И сквозь усталость ко мне стало пробиваться осознание всего, что произошло. Я была в доме с убитым человеком. Меня чуть не придушили там же. Мы бежали от вооружённых бандитов, которые сожгли дом соседа. И теперь я прятала раненого солдата тайной войны в доме своего деда. Я переступила какую-то невидимую черту, и обратного пути, похоже, не было.

Тихий стон вырвался из его губ. Брови сдвинулись, он зашевелился, будто отгоняя кошмар.

— Игорь… — прошептал он хрипло. — Уезжай… сейчас же…

Тут же голос Ярослава стал твёрже, отрывистым, как будто он отдавал приказы:

— Второй сектор, прикройте! Огонь на подавление! Царёв… доложите Царёву… Ярый ранен… задание… не выполнено…

Он замолчал, застонал в бреду. Шёпот стал совсем тихим, почти детским:

— Дед… прости… дом… сгорел…

Сердце сжалось от острого и щемящего чувства. В этом бреду был весь Ярослав. Солдат, брат, внук. Человек, который взял на себя слишком много. Который считал своим долгом прикрывать всех, даже ценой своей жизни. И который теперь, в беспамятстве, корил себя за то, что не смог уберечь родные стены.

Я невольно протянула руку и положила Орловскому на лоб, отодвинув мокрые от пота волосы. Кожа была обжигающе горячей.

— Всё хорошо, — тихо сказала я, сама не понимая, зачем. — Дом — это всего лишь дом. Ты жив. Это главное. Спи, Ярослав.

Орловский, казалось, услышал. Дыхание стало чуть ровнее, мускулы лица расслабились. Он погрузился в тяжёлый, но уже не такой беспокойный сон.

Я сидела рядом, слушая потрескивание тосола в батареях и тяжёлое дыхание моего пациента. За окном сгущались зимние сумерки. В этой тишине и тепле, в этом знакомом с детства пространстве, весь ужас прошедшего дня отступил, превратившись в смутное, далёкое, кошмарное воспоминание.

А реальностью стал этот раненый мужчина на диване, чья жизнь теперь странным и нелепым образом зависела от меня.

Глава девятая

Не знаю, когда я уснула. Вот только что я поправляла Ярославу одеяло и вытирала испарину со лба, прикрыла глаза буквально на секундочку и… меня буквально выключило.

Мне снились обрывки пережитого ужаса: горящий дом, чьи-то гулкие шаги в темноте, ледяная рука на моём горле. Я вздрогнула и проснулась с бешено колотящимся сердцем, прислушиваясь к звукам вокруг.

Но тут же поняла, что я в безопасности, дома у деда. Ветер мерно гудел в трубе камина, скрипели старые брёвна сруба, в темноте комнаты слышалось тяжёлое дыхание Ярослава. За окном совсем стемнело.

Повернула голову. Ярослав всё так же спал на диване. В отличие от прежнего беспокойного и бредового состояния, теперь его сон казался глубоким. Черты лица, прежде искажённые болью и напряжением, смягчились. Длинные тёмные ресницы отбрасывали тени на щёки. Рука безвольно лежала поверх одеяла.

Я нехотя поднялась с кресла, пытаясь размять одеревеневшее тело. Прошла к кухонной зоне, включила точечную подсветку и поставила чайник на плиту. Нужно будет чем-то накормить моего пациента. Но сейчас мне просто необходимо выпить успокаивающего дедушкиного чая с травами.

Взгляд снова упал на разметавшегося по дивану раненого. Я подошла ближе, дотронулась ладонью до лба. Жар лихорадки всё ещё держала его тело в плену. И вдруг… рука Орловского сомкнулась на моём запястье и резко дёрнула на себя.

От неожиданности сердце пропустило удар, и я, повинуясь импульсу, полетела прямо на Ярослава, едва не задев его перевязанные раны.

Я ждала стона, болезненного движения, чего угодно — только не такой резкой реакции. Серые глаза Орловского, затуманенные лихорадкой и болью, смотрели прямо на меня, не мигая.

Я практически лежала на Ярославе, чувствуя, как жаркая волна приливает к щекам. Взгляд Орловского медленно скользил по мне, затем вернулся к моим глазам.

— Кто ты? — хрипло выдохнул Орловский мне в лицо.

Его серые глаза смотрели на меня с ледяным спокойствием. Судорожно сглотнула и попыталась встать, но Ярослав держал меня слишком крепко.

— Я Лиза, помнишь? Деда Матвея внучка, — с тревогой и почему-то шёпотом ответила я.

— Лиза? — непонимающе нахмурился Ярослав, но руку мою отпустил. — Где я?

— Ты в доме у моего дедушки, — вздохнула я поднимаясь. — Я… притащила тебя сюда.

— Зачем? — надтреснутым голосом спросил Ярослав, явно не понимая, что происходит.

Орловский попытался встать, но я тут же удержала его за плечи:

— Тебе пока лучше не двигаться.

— Сколько времени? — сиплым голосом выдавил Ярослав.

— Где-то за полночь уже, наверное, — ответила я, судорожно пытаясь вспомнить, где оставила телефон.

— Я должен идти, — упрямо произнёс Ярослав, снова пытаясь подняться.

— С ума сошёл? — строгим голосом произнесла я, снова мягко удерживая Орловского в постели за здоровое плечо. — Я не для этого тебя тащила через весь лес на себе, кучу времени оперировала и перевязывала, чтобы ты сейчас угробил себя своим упрямством. Так что лежи и постарайся не шевелиться. Сейчас приготовлю что-нибудь тебе поесть и сделаю укол. Ночью может вернуться лихорадка.

— Что… что случилось? — снова нахмурился Ярослав, обводя взглядом помещение. — Всё так смутно…

— Ты был ранен, — уже спокойнее произнесла я, поправляя на нём одеяло. — Я нашла тебя в доме твоего деда. Мы прятались в подполе от каких-то бандитов. Потом я притащила тебя сюда. Вытащила пулю и обработала твои раны. У тебя жар. Но уже гораздо меньше. Тебе нужно больше пить и отдыхать.

Я метнулась к кухне и налила в стакан воды. Вернулась к дивану, подсунула руку под голову Ярославу и помогла ему напиться. Орловский с жадностью глотал прохладную жидкость, будто не пил как минимум неделю.

— Ещё? — спросила я, когда он, шумно выдохнув, отвалился на подушку.

Орловский медленно качнул головой.

— Я приготовлю куриный бульон, тебе надо поесть, — слегка улыбнулась я и, отвернувшись, пошла к кухне.

— Спасибо, — тихо долетело мне в спину.

— Это мой долг, — также тихо ответила я не поворачиваясь. — Всё же я медик, хоть и ветеринар. Я не могла поступить иначе.

Вытащила из морозилки курицу и сунула в микроволновку на разморозку. Достала кастрюльку и наполнила водой.

— Мне нужно уйти, Лиза, — донёсся до меня слабый голос Ярослава. — Ты не понимаешь, если меня найдут здесь, то ты тоже пострадаешь.

Я резко развернулась к дивану.

— Ты уже это говорил, — фыркнула я. — Тебя здесь не найдут. В посёлке все знают, что дед в больнице, а здесь только я. И что приехала я только вчера днём. У мамы закончился отпуск, и мне пришлось подменять её здесь, чтобы присматривать за хозяйством. До ближайшего жилья больше километра. Нас точно никто не мог видеть вчера. И точно не подумают, что я была в доме твоего деда. Ты правда думаешь, что тебя будут искать тут?

— Ты просто не знаешь этих людей, Лиза, — слабо качнул головой Ярослав, пытаясь приподняться. — Следы. Мы оставили следы. Они приведут их прямо сюда. И мне надо связаться со своими. Царёв ещё не знает, что где-то рядом предатель. А я не знаю, успел ли Игорь свалить и доложить обстановку. Я должен предупредить Захара.

— Царёв, Царёв, — пробормотала я, поворачиваясь к плите и ставя кастрюльку на огонь. — Кто он? Ты уже не первый раз о нём говоришь.

— Захар Царёв, — ответил Ярослав. — Мой командир и друг. Мне нужно связаться с ним, но рации нет. Её повредили, когда меня ранили в бедро.

Орловский снова откинулся на подушку, и его веки медленно закрылись. Наш короткий разговор, казалось, истощил его. Я бросила взгляд в окно. На улице сыпал мелкий снег, превращаясь в крошку. Усиливающийся ветер гнал позёмку по двору.

— Мне кажется, нам нечего переживать о следах, — слегка улыбнулась я. — Вряд ли они будут искать что-то вокруг в темноте. А к утру снег уже скроет все следы.

В доме воцарилось молчание. Я методично разделывала тушку курицы, отправляя кусочки в воду, чтобы сварить бульон. Орловский, кажется, снова задремал.

И вдруг в дверь постучали. Громко, будто пытались выломать. В груди мгновенно разлился холод. И ледяные мурашки пробежали от затылка по позвоночнику. Бросила встревоженный взгляд на Ярослава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.